

В лучистой филиграни...

Сборник научных трудов к 65-летию С. М. Шаулова

Уфа — 2014

УДК 82/821.0

ББК 83.3.

В11

В лучистой филиграни... Сборник научных трудов к 65-летию С. М. Шаулова / Сост. Б. В. Орехов, С. С. Шаулов. — Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. — 158 с.

Сборник научных трудов посвящен 65-летию Сергея Михайловича Шаулова, известного отечественного литературоведа, германиста и исследователя творческого наследия В. С. Высоцкого. Тематика работ, публикуемых в этом сборнике коллегами и последователями ученого, стремится отразить многообразие его научных интересов: от проблем зарубежной литературы — до теоретических аспектов смены риторических парадигм европейской культуры, от древности — до самого актуального материала словесности.

ISBN 978-5-87978-813-6

© Коллектив авторов, 2014 (текст).

© Б. В. Орехов, С. С. Шаулов, 2014 (предисловие, библиография).

© А. С. Шаулов, 2014 (дизайн обложки).

III

«Шауловский» Высоцкий

Имя нынешнего юбиляра я впервые услышал — а точнее, увидел напечатанным — в конце 1991 года в Ульяновске, в местном пединституте, куда приехал на научную конференцию. Для её участников в институтской рекреации работал книжный прилавок, и на нём продавалась, помимо прочей разнообразной литературы, книга с портретом Высоцкого и с не очень понятным с виду названием на обложке: «Мир и Слово». Подумал было, что это какой-нибудь сборник лингвистических статей и что портрет Высоцкого использован как «приманка» для покупателей (на волне прошумевшей Перестройки бард переживал невероятную посмертную популярность, под его именем всё шло на ура). Слава богу, всё же не поленился, взял книгу в руки и, поняв, что она — действительно о Высоцком, купил. Как раз в ту пору любовь к поэзии Высоцкого и у меня самого стала принимать письменно-печатную форму: в том же 1991 году была опубликована моя первая статья о поэте.

Это была книга А. В. Скобелева и С. М. Шаулова «Владимир Высоцкий: Мир и Слово» (на титульном листе название было напечатано уже полностью), только что изданная в Воронеже — фактически первая монография о «шансонье всея Руси». Именно с неё — а также с подготовленного А. Е. Крыловым и выпущенного годом раньше первого издания двухтомных «Сочинений» — началось научное высокоцковедение, сменившее период литературно-критического осмысления наследия поэта (вторая половина 80-х). Тот ульяновский вечер я запомнил очень хорошо: придя в номер, уселся с книгой в кресло и «залпом» прочёл её от начала до конца. Впечатление было сильнейшим! Театральность поэзии барда, её фольклорно-мифологические корни, в том числе связь с «блатным» фольклором, проступающие в стихах архетипы... Что-то я интуитивно угадывал и сам (но только угадывал, не более того), что-то прозвучало как откровение, давая возможность герою монографии предстать перед читателем не «хрипатым парнем из подворотни», каким он многим казался при жизни, а в большом историко-культурном контексте. Высоцкий выглядел на страницах монографии как поэт классического масштаба. Писать *так* можно было о Пушкине или Блоке. Оказалось — можно и о Высоцком.

С тех пор в моей домашней висоцковедческой библиотеке эта книга — едва ли не самая востребованная. Знаю от коллег, что не мне одному знаком этот рефлекс: начиная заниматься или просто попутно заинтересовавшись каким-то вопросом о творчестве поэта, первым делом думаешь: а что об этом пишут Скобелев — Шаулов? И снова достаёшь с полки их книжку, причём именно первое издание, «обжитое», уже сильно потрёпанное, с обильными карандашными пометами, не за один раз оставленными. Хотя теперь книга уже трижды переиздана; в последний раз — в 2012 году в Уфе, в составе капитального соавторского тома Скобелева и Шаулова «Наш Высоцкий», куда вошли работы и совместные, и отдельные. В этом томе, кстати, есть (на странице 163) любопытная сноска, рассказывающая об издательской судьбе воронежского издания — судьбе по-своему драматичной и по-своему забавной (пока везли тираж в Москву, пришлось добывать дефицитный бензин в обмен на столь же дефицитную водку: таков был тогдашний «бартер»!), показательной для эпохи распада СССР, сопровождавшегося и распадом устоявшихся механизмов книгоиздания и книгораспространения.

Одной только книги «Владимир Высоцкий: Мир и Слово» было бы достаточно, чтобы почивать на лаврах классиков висоцковедения. Но соавторы оказались не из таковых. Андрей Скобелев, на время ушедший из висоцковедения, несколько лет назад вернулся в него как автор обширных «материалов к комментарию», раскрылся как неутомимый добытчик фактических и историко-культурных сведений о песнях поэта, об упоминаемых в них именах, событиях, бытовых реалиях. Его перу принадлежат уже несколько комментаторских книг, а ещё он — организатор целой серии висоцковедческих конференций в Воронеже и научный редактор выходящих там сборников. Сергей Шаулов же — исследователь другого склада, склонный, в отличие от своего друга и соавтора, не столько к конкретике, сколько к метафизике. И тут оказалось, что его главное слово в висоцковедении тоже ещё не сказано, хотя выход к этому Главному Слову был сделан уже в книге 1991 года.

На рубеже двух столетий он выступил с серией статей, в книгу «Наш Высоцкий» тоже вошедших. Их общую тему хорошо выражает название одной из них: «“Высоцкое” барокко» (1999). Исходя из идеи «вездесущности барокко в культуре XX века», Шаулов устанавливает ряд типологических признаков, объединяющих поэзию Высоцкого с барочной культурой: «особое напряжённое состояние языка», склонность к антиномиям и парадоксам, эмблематичность, поэтико-философская концепция двоимирия... При этом получалось, что признаки барокко (и

«высоцкого» барокко) оказывались одновременно присущими романтизму и экспрессионизму, что по-своему перекликается с высказанной когда-то Д. С. Лихачёвым идеей чередования в истории культуры «первичных» (романский стиль, Ренессанс, классицизм, реализм) и «вторичных» (готика, барокко, романтизм; в этот ряд напрашивается и не названный Лихачёвым модернизм, к которому Высоцкий имеет безусловное отношение) стилей. Под пером Шаулова Высоцкий оказывался созвучен неким культурным универсалиям и вписывался в грандиозную общеевропейскую картину, где стили не столько сменяют друг друга (по Лихачёву), сколько... сосуществуют одновременно. Пусть не сами стили — но некие мировоззренческие и художественные основы, их питающие, затрагивающие и творчество русского поэта второй половины XX века.

Что и говорить, картина захватывающая. Но и вызывающая желание поспорить. Первым это сделал профессор А. А. Илюшин, чьим коротким заключительным словом редакция альманаха «Мир Высоцкого» сопроводила публикацию статьи «“Высоцкое” барокко». Усомнившись в «барочности» поэзии барда и назвав концепцию Шаулова «несколько придуманной», Илюшин, однако, не стал своим столичным авторитетом «закрывать» проблему: «Не вижу их (точек соприкосновения — *А. К.*) — ну и что? Может, зрение слабое». Позже довелось спорить с автором идеи «барочности» Высоцкого и мне, и следы этих споров есть в моей книжке «Барды и филологи» и в статьях самого Сергея Михайловича. Мне казалось, что его подход чересчур размывает границы историко-литературных явлений — как самого Высоцкого, так и барокко вообще. Мой оппонент настаивал на правомочности типологического подхода. Дружески общаться полемика нам не мешала.

Сейчас мне думается, что дело не в том, правомочен или неправомочен типологический подход. Правомочен, конечно. Типология — такая хитрая вещь, где всё столь же неопровержимо, сколь и недоказуемо. И спорить, наверное, было не о чем. Ибо на самом деле мы с Шауловым — филологические «братья по крови», а разница в подходах кажется частностью на фоне важной общности. Поясню.

Будучи оба высококоведами «первого призыва», мы начали заниматься любимым поэтом (он пораньше, я попозже), отталкиваясь от тех научных интересов, которые сложились у нас изначально, до того, как мы стали писать о Высоцком. Эти интересы, связанные с классической литературой, естественно, повлияли на нашу интерпретацию его творчества. Но мы пошли разными путями. Я защитил кандидатскую диссертацию по пушкиноведению и все 80-е годы писал именно о

Пушкине. Увлёкшись Высоцким, стал поначалу толковать его «на фоне Пушкина», стремился увидеть в нём некую «реинкарнацию» пушкинского типа художника. Спустя годы, по мере всё большего научного погружения в мир Высоцкого, я всё слабее держался за эту, некогда дорогую для меня, мысль, и Высоцкий всё больше открывался мне не «как Пушкин», а *как таковой*. Шаулов же двигался, кажется, встречным путём. В книге 91-го года он как раз довольно далеко отошёл от своей «первой специальности» (немецкая литература, которой посвящены его и кандидатская, и докторская), а впоследствии стремился свести воедино две свои большие филологические любви: немецкое барокко и Высоцкого. Мне видится в этом сильный личный импульс. Помнится, на одной из конференций в Музее Высоцкого в Москве он проговорился: «Изучая Высоцкого, мы изучаем себя». Себя — как младших современников поэта, в чьём творчестве объективно выразился и их (наш) опыт тоже. А спустя лет десять заметил в интервью для уфимского радио: «Книг у меня немного. А пишутся они из интереса личного, естественно, из опыта внутренней жизни...» Поэтому «барочный» Высоцкий — это Высоцкий Сергея Шаулова, которому к моменту кончины барда пошёл четвёртый десяток лет и который вырос и стал взрослым человеком, педагогом, учёным-германистом под песни Высоцкого — в чём, кстати, сам и сознаётся всё в том же интервью.

Но если это «личный» шауловский Высоцкий, то не слишком ли субъективным оказывается его портрет в работах нашего юбиляра? Нет. Потому что это Высоцкий человека с большим филологическим опытом и чутьём, тонким вкусом, мастерским владением пером, умением проникать в глубины поэтического текста, подлинно «немецкой» въедливостью (в хорошем смысле слова!) и кропотливостью (очень ценю и частенько заглядываю в его подробный объёмистый критический обзор 2000 года «О Высоцком на немецком», написанный, что называется, с разворотом и явно выходящий за рамки жанра за счёт многочисленных оригинальных наблюдений, щедро разбросанных по всему тексту). Кому как не ему почувствовать и выразить глубинный уровень присутствия Высоцкого в нашей жизни и нашей культуре вообще и в судьбе одного человека в частности — присутствия на уровне универсалий и мифологем? Ведь сказано Высоцким, и неспроста взято самим Шауловым в заглавие его работы о «барочной топике» в творчестве любимого поэта: «Теперь я — капля в море».